

МЕЛОДИ
ЛЕЙН

ДАРТЬМЫ

Мелоди Лейн

Дар Тьмы

*<https://litres.ru/73974391>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Что такое вечность для вампира? Одиночество, сотканное из воспоминаний и сожалений. Рафаэль Блэкторн думал, что знает ответ, пока не встретил Клариссу. Девушка с глазами цвета летнего неба и непокорным духом стала его наваждением. Он сделал ее бессмертной, надеясь обрести родственную душу, но получил лишь яростного врага. Ее неповиновение разжигает в нем давно уснувшие чувства, а ее сила воли заставляет его сомневаться в собственной правоте. Их замок - поле битвы, где сталкиваются ненависть и влечение, отчаяние и надежда. Сможет ли любовь расцвести на пепелище отнятой жизни, или их удел - вечная война?

Содержание

Глава 1. Цена бессмертия. Рафаэль	4
Глава 2. Беззвучное сердце. Кларисса	12
Глава 3. Игра в терпение. Рафаэль	19
Глава 4. Клетка из бархата и лжи. Кларисса	25
Глава 5. Голод, что древнее звезд. Рафаэль	31
Глава 6. Разбитое отражение. Кларисса	35
Глава 7. Холодное прикосновение. Рафаэль	40
Глава 8. Шепот забытых имен. Кларисса	45
Глава 9. Танец на острие клинка. Рафаэль	51
Глава 10. Одежда для охоты. Кларисса	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мелоди Лейн

Дар Тьмы

Глава 1. Цена бессмертия. Рафаэль

Столетия научили меня терпению. Я мог часами наблюдать, как пылинки танцуют в лунном луче, пробивающемся сквозь высокое стрельчатое окно. Мог слушать, как ветер поет свою заунывную песню в старых трубах замка. Но последние несколько часов мое терпение истончилось до предела, превратившись в натянутую струну предвкушения и чего-то еще... чего-то, что я давно разучился называть.

Она сидела в кресле напротив камина. Огонь отбрасывал трепетные отблески на ее лицо, играл в иссиня-черных волнах волос, рассыпавшихся по плечам и спинке кресла. Кларисса. Даже ее имя звучало как музыка, которую я позабыл.

Я выбрал ее не случайно. В переполненном бальном зале, среди десятков разодетых кукол с пустыми глазами, она была единственным живым пламенем. Ее смех звенел дерзко, а взгляд сапфировых глаз был прямым и ясным, лишенным жеманства и лжи. В ней была жизнь - та самая бушующая, непокорная сила, которой мне так не хватало в моей беско-

нечной, отполированной до блеска пустоте.

И вот теперь эта жизнь билась в панике, пойманная в ловушку. Кожаные ремешки на подлокотниках кресла и у ее лодыжек были необходимостью. Я видел, как она пришла в себя полчаса назад. Сначала - растерянность в огромных глазах, затем - осознание и вспышка чистого, незамутненного ужаса, который тут же сменился яростью. Она не кричала. Не умоляла. Она молча, сцепив зубы, пыталась вырваться. Ее стройное тело напрягалось, тонкие запястья краснели под ремнями. В этом безмолвном сопротивлении было больше силы, чем в истериках сотен других женщин, которых я знал за свою долгую жизнь.

Я сделал глоток из граненого хрустального стакана. Вино, рубиновое и густое, показалось безвкусным. Все мои чувства были сосредоточены на ней.

- Где я? Кто вы такой? - ее голос, хоть и дрожал от сдерживаемого страха, был тверд. В нем звучала сталь.

Я медленно поднялся со своего кресла, поставив стакан на каминную полку. Мои шаги по каменному полу отдавались гулким эхом в тишине комнаты, нарушаемой лишь треском поленьев. Я остановился перед ней, возвышаясь над ее маленькой, скованной фигуркой. Она не опустила взгляд. На-

оборот, вскинула подбородок, и ее сапфировые глаза метнули в меня молнии. Прекрасна. Даже в своем страхе и гнев она была ослепительно прекрасна.

- Вы в своем новом доме, дитя, - мой голос прозвучал глухо, непривычно даже для меня самого. Я слишком долго молчал. - А я - тот, кто подарит вам вечность.

Ее губы скривились в горькой усмешке.

- Сумасшедший. Вы просто похититель. Вас найдут. Мой отец...

- Ваш отец, - мягко перебил я, - уже оплакивает безвременную кончину своей единственной дочери от скоротечной лихорадки. Все устроено. Никто не будет вас искать.

Понимание медленно отражалось в ее глазах, вытесняя гнев и оставляя ледяное отчаяние. Вот он, момент, когда ломается воля. Я видел это сотни раз. Но Кларисса... она была другой. Ее глаза наполнились слезами, но ни одна не скатилась по щеке. Она смотрела на меня с такой всепоглощающей ненавистью, что я почувствовал ее почти физически, как удар. Это было... волнующе.

Я опустился на одно колено перед ней, чтобы наши гла-

за оказались на одном уровне. Ее дыхание сбилось, стало частым и прерывистым. Аромат ее страха и теплой, живой крови ударил в голову, пробуждая зверя внутри. Я боролся с ним, отгоняя первобытный голод. Сейчас было важно не это.

- Я наблюдал за тобой, Кларисса. Ты не такая, как все. В тебе горит огонь, который не должен погаснуть. Я предлагаю тебе дар, о котором другие могут только мечтать. Бессмертие. Силу. Знания, накопленные за тысячу лет.

- Я не просила о вашем "даре"! - выплюнула она, и в ее голосе зазвенели слезы, которые она так отчаянно сдерживала. - Я хочу жить! Жить своей жизнью! Любить, стареть, умереть! Вы не имеете права этого отнимать!

- Права? - я усмехнулся, и усмешка вышла холодной. - Дитя мое, в этом мире право имеет тот, кто сильнее. А сильнее меня в этих стенах нет никого.

Я протянул руку и коснулся ее щеки. Она дернулась, словно от ожога, но не могла отстраниться. Ее кожа была нежной и бархатистой. Под моими пальцами я чувствовал, как бешено бьется пульс в жилке на ее шее. Так соблазнительно. Так близко.

И тут плотина прорвалась.

- Нет! - ее крик был полон отчаяния. - Не смей этого делать! Это будет больно!

Она отчаянно забилась в ремешках, пытаясь уклониться от моего взгляда, от моего намерения, которое она, словно дикий зверек, почуяла безошибочно. Крупные слезы, наконец, хлынули из ее сапфировых глаз, оставляя на щеках влажные дорожки.

Я поймал ее подбородок, заставляя смотреть на меня. В янтарном свете моих глаз отражался ее ужас.

- Не нужно сопротивляться, дитя, - прошептал я, мой голос стал вкрадчивым, почти гипнотическим. - Больно будет недолго. Обещаю. Я ведь все равно это сделаю. К чему лишнее сопротивление и слезы?

Ее борьба была бесполезна, но она не сдавалась. Она была сильной. Именно поэтому я ее и выбрал.

Я медленно склонился к ее шее. Аромат ее кожи сводил с ума. Это был запах летних цветов, дождя и самой жизни. Я вдохнул его в последний раз, прежде чем изменить его навсегда. Ее тело под моими руками дрожало мелкой дрожью.

- Пожалуйста... не надо... - прошептала она одними губами, ее силы были на исходе.

Этот шепот, полный мольбы, отозвался во мне странной, давно забытой болью. На одно мимолетное мгновение я усомнился. Но потом вспомнил пустые залы, беззвучные ночи, бесконечную череду одинаковых лет. Одиночество. Оно было моим единственным спутником. И я больше не хотел его терпеть.

- Прости, - прошептал я ей на ухо, и это было самое честное слово, которое я произносил за последние пятьсот лет.

А затем мои клыки вошли в ее нежную плоть.

Ее тело выгнулось дугой, беззвучный крик застыл на губах. Я пил ее жизнь, чувствуя, как ее сила, ее ярость, ее страх перетекают в меня, смешиваясь с моей древней кровью. Боль была острой, но короткой. Я был осторожен, чтобы не забрать слишком много, чтобы не убить. Мне нужна была не мертвая игрушка, а вечная спутница.

Когда я отстранился, она безвольно обмякла в кресле. Голова склонилась на грудь, длинные черные волосы скрыли бледное лицо. На ее шее, на белоснежной коже, алели две маленькие ранки. Я коснулся губами своего запястья, разры-

вая кожу, и поднес его к ее губам.

- Пей, - приказал я. - Пей и возродись. Стань такой, как я.

Она не реагировала. Тогда я запрокинул ее голову и влил несколько капель своей крови ей в рот. Моя кровь, мой дар, мое проклятие.

Процесс начался. Ее тело содрогнулось в последней агонии смертной жизни. Я расстегнул ремни и осторожно подхватил ее на руки. Она была почти невесомой, хрупкой. Я отнес ее к огромной кровати, укрытой объемным покрывалом из темного шелка, и бережно уложил.

Огонь в камине угасал, тени в комнате сгущались. Я сел в кресло у кровати и стал ждать. Ждать, когда она откроет глаза. Ждать, когда моя вечность, сотканная из одиночества, наконец, разделится на двоих.

Я получил то, что хотел. Но глядя на ее неподвижное лицо, на котором застыло выражение боли, я впервые за многие века почувствовал не триумф, а тревогу.

Я подарил ей бессмертие. Но я видел в ее последних слезах, что она будет ненавидеть меня за этот дар каждую секунду нашей общей вечности. И наша война только что на-

чалась.

Глава 2. Беззвучное сердце. Кларисса

Возвращение было не пробуждением, а падением. Падением в бездну новых, мучительных ощущений. Не было ни мягкого света утра, ни привычной тяжести век. Лишь холод, пронизывающий до самых костей, и тишина. Абсолютная, неестественная тишина, в которой я вдруг осознала, что не слышу самого главного - стука собственного сердца.

Паника, ледяная и острая, пронзила меня. Я резко села, и мир взорвался красками и звуками. Я видела каждую пылинку, танцующую в бледном лунном луче, пробивающемся сквозь высокое окно. Я слышала, как где-то в стене скребется мышь, как ветер шепчет в каминной трубе, как тлеют угли в камине, издавая едва уловимый треск. Все было слишком громким, слишком четким, слишком... живым. А я - нет.

Я поднесла руку к груди. Тишина. Там, где всю жизнь бился неутомимый моторчик, теперь была пустота. Холодная, мертвая пустота.

Воспоминания обрушились на меня, как лавина. Его янтарные глаза, полные древней тоски и безжалостной решимости.

мости. Его тихий, вкрадчивый голос, обещавший боль. И сама боль - острая, короткая, как удар кинжала в шею, а затем... блаженная, ужасающая легкость, когда жизнь утекала из меня.

"Монстр", - пронеслось в голове.

Я огляделась. Огромная комната, обставленная с мрачной роскошью. Резная мебель из темного дерева, гобелены на стенах, изображавшие сцены охоты. И кровать, на которой я лежала, с пологом из тончайшего темного шелка, что струился, словно застывший дым. Все это было чужим, враждебным. Это была моя тюрьма.

Но панику и страх вытесняло нечто иное. Новое, всепоглощающее чувство. Голод. Нет, это было не то слово. Это была жажда. Жгучая, сводящая с ума, царапающая горло изнутри раскаленными когтями. Она была сильнее страха, сильнее отчаяния. Она была всем.

Я сползла с кровати. Ноги коснулись холодного каменного пола. На мне была не моя одежда. Вместо моего бального платья - длинная ночная сорочка из тонкого белого батиста. Легкая ткань казалась грубой и неприятной для моей новой, сверхчувствительной кожи.

Я подошла к огромному зеркалу в потемневшей от времени раме. Отражение... Это была я, и не я. Кожа стала бледной, почти фарфоровой. Губы приобрели насыщенный, кроваво-красный оттенок. А глаза мои сапфировые глаза горели теперь внутренним, тревожным огнем. В их глубине плескалась тьма.

Я коснулась шеи. Два маленьких, едва заметных прокола. Следы его укуса. Следы моего падения.

Ненависть вскипела во мне, горячая, как лава. Она смешалась с этой ужасной жадью, создав гремучий коктейль, который требовал выхода. Я сжала кулаки, ногти впились в ладони, но боли не было. Только глухое ощущение давления.

- Я вижу, ты проснулась.

Голос раздался от двери. Тот самый, бархатный и властный. Рафаэль. Он стоял в дверном проеме, прислонившись к косяку. На нем была простая белая рубашка, расстегнутая у ворота, и темные брюки. Рыжие волосы были слегка растрепаны, но янтарные глаза смотрели на меня с неизменной остротой и... любопытством. Словно я была диковинным зверьком, чью реакцию он изучает.

- Монстр, - прошипела я. Голос был чужим, ниже и глуб-

же, чем я помнила.

Он слегка улыбнулся, лишь уголком губ.

- Со временем ты привыкнешь называть меня по имени.

Он шагнул в комнату, и я инстинктивно отступила назад, пока не уперлась спиной в холодную раму зеркала. Он двигался бесшумно, с грацией хищника. И я вдруг поняла, что эта всепоглощающая жажда во мне обострилась от его близости. Я чувствовала, как кровь течет по его венам. Слышала размеренный, сильный стук его мертвого сердца. Это сводило с ума.

- Что ты со мной сделал? - мой голос сорвался.

- Я дал тебе дар, Кларисса, - спокойно ответил он, останавливаясь в нескольких шагах от меня. - Я освободил тебя от оков смертной жизни. От болезней, от старости, от смерти.

- Ты убил меня! - закричала я, и крик эхом отразился от каменных стен. - Ты отнял у меня все! Мою семью, мое будущее, мое солнце!

- Я дал тебе новое будущее. Вечность, - он сделал еще

один шаг. - А что до солнца к луне тоже можно привыкнуть. Она честнее. Она не скрывает теней.

Его спокойствие бесило меня. Он говорил так, словно и впрямь оказал мне величайшую милость. Жажда скрутила мой желудок. Я сглотнула, но в горле было сухо, как в пустыне.

- Тебе нужно утолить голод, - сказал он, словно прочитав мои мысли. - Он будет только усиливаться.

В его руке появился серебряный кубок с тонкой гравировкой. Внутри плескалась темная, багряная жидкость. Ее густой, металлический запах ударил мне в нос, и я едва не задохнулась от желания. Мое тело рванулось к нему, но разум, моя воля, мое человеческое "я" вцепилось в него мертвой хваткой.

- Нет, - выдохнула я, отворачиваясь.

- Глупое дитя, - в его голосе проскользнуло раздражение. - Ты не можешь отрицать свою новую природу. Чем дольше ты сопротивляешься, тем мучительнее будет. Он подошел вплотную. Я чувствовала холод, исходящий от его тела. Он протянул мне кубок. Я смотрела на него, как замороженная. Мои руки дрожали. Одна часть меня хотела вырвать

этот кубок и осушить его до дна. Другая - хотела разбить его, выплеснуть это мерзкое пойло ему в лицо.

Сила воли победила.

Я резким движением выбила кубок из его руки. Он с громким звоном ударился о каменный пол. Алая жидкость растеклась по плитам, словно настоящая кровь, пролитая на поле боя.

На мгновение в комнате повисла оглушительная тишина. Я тяжело дышала, хотя и не нуждалась в воздухе. Я смотрела на него с вызовом, ожидая гнева, удара, чего угодно.

Выражение его лица не изменилось, но в янтарных глазах вспыхнул опасный огонек. Он очень медленно наклонил голову.

- Какая непокорность. Это даже интереснее, чем я предполагал.

Он не стал кричать. Не стал наказывать. Он просто развернулся и пошел к двери.

- Хорошо. Страдай, если тебе так угодно. Но помни, Кларисса, эта жажда сведет тебя с ума. И когда ты будешь готова молить меня о капле крови, я буду ждать.

Дверь за ним закрылась с тихим щелчком. Звук замка прозвучал как приговор.

Я осталась одна. Одна в своей новой, мертвой тишине. Одна с жаждой, которая разрывала меня на части. Я опустилась на пол, не обращая внимания на разлитую кровь. Слезы не шли. Кажется, я больше не умела плакать. Осталась только сухая, обжигающая ярость и пустота на месте сердца.

Он думает, что сломил меня. Думает, что я приползу и буду умолять.

Он ошибается. Это не конец. Это начало моей войны. И я буду сражаться с ним до последнего вздоха, которого у меня больше нет.

Глава 3. Игра в терпение. Рафаэль

Щелчок замка прозвучал в тишине замка оглушительно громко. Я стоял по ту сторону двери, прислонившись к холодному камню стены, и слушал. Я слышал ее прерывистое, ненужное дыхание. Слышал, как она опустилась на пол. Слышал оглушительную тишину ее остановившегося сердца. Но громче всего я слышал ее ярость. Она вибрировала в воздухе, просачивалась сквозь толщу дубовой двери. Она была почти осязаемой, и это было восхитительно.

Я ожидал страха, слез, мольбы. Я получил вызов. Она выбила кубок из моих рук. Она, новообращенная, слабая, раздираемая жадой, нашла в себе силы бросить мне вызов. Я медленно пошел по коридору, и мои шаги, бесшумные для смертного уха, отдавались гулким эхом в моем сознании. Эхо в пустых коридорах. Сотни лет я ходил по ним один, и единственным эхом было биение моего собственного мертвого сердца. Теперь здесь было новое эхо. Эхо ее непокорного духа.

Я прошел в библиотеку. Тысячи книг смотрели на меня с полок, молчаливые свидетели моего одиночества. Я провел пальцами по кожаному переплету старинного фолианта. Когда-то я думал, что мудрость веков сможет заменить мне

живое общение. Я ошибался. Книги не могут ответить. Картины не могут взглянуть на тебя в ответ. Они - лишь тени, призраки чужих жизней.

А Кларисса... она была не тенью. Она была огнем. Огнем, который я сам и зажег в этой вечной тьме. Я хотел родственную душу, но, кажется, создал идеального врага. И, к своему удивлению, я находил в этом мрачное удовлетворение. Ее ненависть была настоящей. Живой. Она была лучше, чем вежливое безразличие призраков из моего прошлого или раболепный страх слуг, которых я держал когда-то.

Я сел в кресло у незажженного камина и закрыл глаза. Я чувствовал ее. Наша связь, скрепленная моей кровью, уже установилась. Я ощущал ее муки, ее жажду, что с каждой минутой становилась все острее. Она была похожа на раскаленный нож, вонзенный в ее естество. И ее воля, ее упрямство, с которым она боролась, вызывали у меня не гнев, а уважение.

Глупое, гордое дитя. Она думает, что может победить инстинкт. Она еще не поняла, что стала чем-то большим, чем человек. Она - хищник, и природа возьмет свое. Вопрос лишь в том, какой ценой.

Прошел час. Другой. Я сидел неподвижно, погруженный

в свои мысли и ее страдания. Я мог бы войти и силой заставить ее пить. Мог бы сломить ее волю за несколько минут. Но это было бы слишком просто. Слишком скучно. Я хотел, чтобы она сделала выбор сама. Чтобы она признала свою новую сущность. Только тогда она сможет стать той, кого я искал. Не просто красивой бессмертной куклой, а королевой этой ночи. Моей королевой.

Наконец, я не выдержал. Ее боль стала слишком сильной, она уже граничила с безумием. Если она продержится еще немного, ее разум может не выдержать трансформации, и я получу лишь обезумевшего зверя. Этого я допустить не мог.

Я поднялся и вновь бесшумно направился к ее комнате. Дверь отворилась без скрипа.

Она стояла на коленях посреди комнаты, там же, где пролилась кровь. Ее спина была выпрямлена, как струна, руки сжаты в кулаки. Длинные черные волосы разметались по плечам. Она не смотрела на меня, ее взгляд был устремлен в одну точку на полу. Она дрожала всем телом, ведя свою отчаянную внутреннюю борьбу.

- Довольно, - мой голос прозвучал твердо, не оставляя места для споров.

Она медленно подняла голову. В ее глазах плескалось безумие голода, но сквозь него пробивался все тот же непокорный сапфировый блеск.

- Убирайся, - прорычала она.

Я проигнорировал ее слова и подошел вплотную. Она попыталась вскочить, оттолкнуть меня, но ее новорожденная сила была ничем по сравнению с моей. Я легко поймал ее запястья в одну руку и прижал ее к себе. Ее тело было ледяным, но под кожей бурлил огонь. Она билась в моих руках, как пойманная птица, слабая и яростная одновременно.

- Я сказал, довольно, - повторил я, заглядывая ей в глаза, подчиняя ее волю своей. - Ты разрушаешь себя.

- Лучше разрушить, чем принять что-либо от тебя!

Ее слова были хриплыми, но полными яда. Я усмехнулся.

- У тебя нет выбора.

Я поднес свое запястье к ее лицу. Она отвернулась, стиснув зубы. Тогда я запрокинул ее голову, зажав подбородок пальцами, и силой прижал свое запястье к ее губам. Я надавил, и капля моей крови коснулась ее губ. Этого было доста-

точно.

Ее тело содрогнулось.

Инстинкт, древний и могущественный, взял верх. Ее глаза расширились, и она впиалась губами в мое запястье. Клыки, острые и тонкие, пронзили мою кожу. Я почувствовал, как она жадно пьет, и в этом не было ничего, кроме отчаянной потребности. Она цеплялась за меня, словно утопающий за спасательный круг, ее тело обмякло в моих руках.

Я позволил ей пить несколько мгновений, чувствуя, как сила возвращается к ней, как утихает ее мука. А затем мягко, но настойчиво отстранил ее.

Она отшатнулась, на ее губах осталась моя кровь. Выражение ее лица было смесью облегчения, отвращения к себе и новой волны ненависти ко мне. Она только что проиграла нашу первую битву. И она это знала.

- Я тебя ненавижу, - прошептала она. В ее голосе больше не было крика, только ледяная, концентрированная ярость.

- Я знаю, - спокойно ответил я, глядя на затягивающуюся рану на своем запястье. - Ненависть - сильное чувство. Оно поможет тебе выжить. А теперь отдыхай. Завтра начнет-

ся твое обучение.

Я развернулся и вышел, на этот раз оставив дверь незапертой. В этом больше не было нужды. Она могла бежать куда угодно в этом замке, но она не могла сбежать от себя. И от меня.

Возвращаясь в библиотеку, я впервые за много веков чувствовал нечто похожее на азарт. Эхо в моих коридорах обрело голос. И этот голос обещал, что моя вечность больше никогда не будет тихой.

Глава 4. Клетка из бархата и лжи. Кларисса

Унижение. Оно было густым, как яд, и текло по моим венам вместе с его кровью. Чувство его силы, заполнившей мою пустоту, было омерзительным и спасительным. Я ненавидела его за это. Ненавидела за то, что он оказался прав. Ненавидела себя за ту животную жадность, с которой я впилась в его запястье. Мое тело предало мой разум, мою волю. Мое первое сражение в этой вечной войне было проиграно еще до его начала.

Я сидела на полу, прислонившись спиной к кровати. Силы медленно возвращались, жажда отступила, сменившись тупой, ноющей болью в душе. Он ушел, оставив дверь незапертой. Насмешка. Демонстрация его абсолютной власти. Он знал, что мне некуда бежать. Этот замок, затерянный во времени и пространстве, был его миром, а я - лишь новым, дикий экспонатом.

Прямое столкновение бесполезно. Ярость и крики лишь тешат его самолюбие. Я видела это в его янтарных глазах - холодное, отстраненное любопытство ученого, наблюдающего за насекомым в банке. Я не буду больше его развлекать.

Если я хочу выжить и однажды найти способ отомстить, я должна измениться. Я должна стать такой же холодной, как он. Я должна учиться. Не для него. Для себя. Я выучу правила его игры, чтобы однажды использовать их против него.

Когда он вернулся спустя, казалось, целую вечность, я была готова. Я сидела в кресле у окна, облаченная в одно из темных платьев, что нашла в гардеробе. Оно было из плотного, струящегося материала, и я чувствовала каждую его нить на своей коже. Я заплела волосы в тугую косу, чтобы они не выдавали дрожь. Мое лицо было маской спокойствия.

- Я вижу, ты пришла в себя, - его голос был ровным, в нем не было ни упрека, ни похвалы. Он тоже сменил одежду, теперь на нем был идеально скроенный темный сюртук. Он выглядел как аристократ, сошедший со старинного портрета. Как хищник, облаченный в цивилизацию.

- Что вы хотите? - спросила я, мой голос был таким же холодным, как камень стен этого замка.

- Сегодня начинается твое обучение, - он подошел ближе. - Ты должна понять, чем ты стала. Твои чувства обострились до предела. Это и дар, и проклятие. Без контроля они сведут тебя с ума. Закрой глаза.

Я колебалась. Подчиняться ему было противно моей натуре. Но это была часть моего нового плана. Я медленно опустила веки, погружаясь в темноту, которая больше не казалась пугающей. Она была... родной.

- Что ты слышишь? - спросил он, его голос раздавался со всем рядом.

Сначала - ничего. Только тишина. Но потом я прислушалась, как он велел, и мир взорвался звуками.

- Я слышу... ветер в трубе, - начала я неуверенно. - Скрип половицы где-то на верхнем этаже. Капли вода капает в подвале. Я слышу, как бьется сердце мыши за гобеленом.

- Хорошо, - его голос был близко. Слишком близко. Я чувствовала холод, исходивший от него. - А теперь сосредоточься. Услышь то, что за стенами замка.

Я напряглась, посылая свое сознание вовне. И услышала. Шорох крыльев летучей мыши, пролетевшей в сотне футов от окна. Далекий, тоскливый вой волка в лесу. Шелест листьев на деревьях, который складывался в причудливую, сложную мелодию. Это было ошеломляюще. Пугающе. И захватывающе.

- Я... слышу лес, - прошептала я.

- Ты не просто слышишь. Ты чувствуешь его, - поправил он. - Скоро ты научишься различать биение сердца оленя от сердца заблудившегося путника. Это важно. Это - ключ к выживанию. Открой глаза.

Я открыла. Он стоял прямо передо мной, и мне пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него. Его янтарные глаза изучали меня, и на мгновение мне показалось, что он видит не только мое лицо, но и все мои мысли, весь мой план.

- Твое зрение тоже изменилось. Посмотри на пламя свечи на столе, - он указал на одинокую свечу в дальнем углу комнаты.

Я посмотрела. И увидела не просто пламя. Я видела, как танцует каждый язычок огня, как колыхается воздух вокруг него, как фитиль медленно превращается в пепел. Я видела цвета, которых раньше не замечала - вкрапления синего у основания, золотую сердцевину и оранжево-красную корону.

- Все стало... четче, - признала я неохотно.

- Это только начало, - сказал он. - Ты научишься двигаться быстрее тени, твоя сила превзойдет все, что ты можешь себе

представить. Но все это - ничто без контроля. Особенно над главным. Над жаждой.

При упоминании жажды внутри все сжалось. Воспоминание об унижении было слишком свежим.

- Я не хочу быть... такой, как ты, - вырвалось у меня, нарушая мое ледяное спокойствие.

Он усмехнулся. Впервые я увидела в его глазах нечто похожее на веселье, и это было еще страшнее, чем его гнев.

- Ты уже такая, как я, Кларисса. Вопрос лишь в том, станешь ли ты искусным охотником или так и останешься диким, жалким созданием, ведомым лишь голодом. Выбор за тобой.

Он развернулся.

- Я даю тебе доступ в библиотеку. Там - знания тысячелетия. Все, что человечество успело написать, и многое из того, о чем оно даже не догадывается. Изучай. Это будет твоим единственным развлечением. Пока что.

Он вышел, снова оставив меня одну. Я подошла к двери и толкнула ее. Она открылась в длинный, темный коридор.

дор. Вдалеке виднелась огромная двустворчатая дверь - вход в библиотеку.

Это была клетка. Роскошная, наполненная сокровищами знаний, но все же клетка. И он был моим тюремщиком. Но теперь у меня было оружие - информация. Я найду в этих книгах его слабость. Я изучу его природу, его историю. Я узнаю все о таких, как он. И однажды моя клетка из бархата и лжи станет его могилой.

Глава 5. Голод, что древнее звезд. Рафаэль

Я наблюдал за ней из тени коридора. Она вошла в библиотеку - нерешительно, но с гордо поднятой головой. Ее маленькая фигурка в темном платье казалась такой хрупкой среди громадных стеллажей, уходящих в темноту под сводчатым потолком. Она была похожа на заблудшую душу в храме знаний. Но в ее глазах не было растерянности. Была цель.

Ее реакция на первый урок превзошла мои ожидания. Я ждал новой вспышки ярости, слез, отрицания. Вместо этого я получил холодную, расчетливую покорность. Она поняла. Поняла, что прямая конфронтация со мной - путь в никуда. Она умна. Намного умнее, чем я смел надеяться. Она решила играть по моим правилам, и это заставило струны в моей древней душе, о существовании которых я давно забыл, натянуться и зазвенеть от предвкушения.

Она думает, что сможет найти в этих книгах оружие против меня. Она ищет способ убить монстра. Как наивно. Как прекрасно. Пусть ищет. Пусть читает о чесноке и святой воде, о деревянных кольях и солнечном свете. Пусть потратит десятилетия, изучая мифы и легенды. Это займет ее ум, от-

точит ее интеллект. И однажды она поймет, что единственный способ победить меня - это стать равной мне. И в этот день моя цель будет достигнута.

Я вернулся в свои покои. Тишина. Та самая, что веками была моим проклятием. Но сегодня она была другой. Она была наполнена ожиданием. Я знал, что там, в библиотеке, другая душа, другое сознание сейчас впитывает в себя мудрость веков. Замок перестал быть просто каменной гробницей. В нем снова появилась жизнь. Пусть даже эта жизнь меня ненавидит.

Я подошел к окну и посмотрел на луну. Она висела в черном небе, холодная и безразличная. Моя вечная спутница. Сколько ночей я провел вот так, глядя на нее и размышляя о природе времени? Для людей время - река, неумолимо текущая к океану смерти. Для меня время - застывшее озеро. Бесконечная гладь, на которой ничего не меняется. Я помнил восход и закат империй, рождение и смерть языков, смену эпох. И все это проходило мимо, не затрагивая меня. Я стал наблюдателем, призраком, которому нет места в мире живых.

Именно этот голод - не физический, а духовный - заставил меня найти ее. Голод по общению. По спору. По эмоциям, которые не были бы разбавлены страхом или подобострасти-

ем. Голод по кому-то, кто осмелится посмотреть мне в глаза и сказать "нет".

И Кларисса дала мне это. Ее ненависть была чистой, незамутненной, почти осязаемой. Она была самым настоящим чувством, которое я испытывал за последние пятьсот лет. И я буду лелеять ее ненависть, как садовник лелеет редкий, ядовитый цветок. Я буду питать ее, пока она не перерастет в нечто иное. В страсть. В понимание. В принятие.

Я знал, что впереди самый сложный урок. Контроль над чувствами - это одно. Но контроль над истинной жадой, над голодом охотника - совсем другое. Скоро ей понадобится не моя кровь, а чужая. Теплая, живая. И я должен буду научить ее охотиться. Научить брать ровно столько, сколько нужно для жизни, не убивая. Научить видеть в людях не просто пищу, а сложный механизм, который не стоит ломать без нужды.

Это будет ее величайшим испытанием. Момент, когда она либо окончательно примет свою новую сущность, либо сломается, превратившись в безумного зверя, которого мне придется уничтожить. Я не хотел думать о втором варианте. Впервые за много веков я позволил себе надежду.

Я взял со стола хрустальный бокал и налил в него тем-

ной, густой крови из графина. Кровь животных. Безвкусная, пресная, она лишь поддерживала мое существование, но не давала ни силы, ни наслаждения. Это была моя диета на протяжении столетий. Моя кара. Мой способ не забыть, что когда-то я был человеком.

Но глядя сейчас на луну, я думал о ней. О ее сапфировых глазах, полных огня. О том, как она будет выглядеть в свете этой луны на своей первой охоте. Грациозная, быстрая, смертоносная. Мое творение. Моя ученица. Моя будущая королева.

Голод, что я испытывал, был древнее звезд. И я не был уверен, какой из них сильнее - голод по крови или голод по ее душе.

Глава 6. Разбитое отражение. Кларисса

Библиотека стала моим убежищем и полем боя. Я приходила сюда, когда невидимые стены замка начинали давить на меня, и уходила, когда буквы начинали расплываться перед глазами от усталости, которой мое новое тело, по идее, не должно было знать. Это была усталость не физическая, а моральная. Усталость от ненависти, от бессилия, от постоянного ощущения его незримого присутствия.

Я часами рылась в фолиантах, пропахших пылью веков и сладковатым запахом тлена. Мои пальцы, теперь бледные и холодные, перелистывали хрупкие страницы книг о мифологии, древних культах и народных поверьях. Я искала его слабость. Я читала о святой воде, что обжигает плоть нечестивых, о солнечном свете, обращающем их в пепел, о чесноке и серебре. Все это казалось детскими сказками, слишком простыми для такого существа, как он. Он не был безмозглым упырем из крестьянских баек. Он был чем-то древним, умным и бесконечно опасным.

Потерпев неудачу в поисках оружия против него, я сменила тактику. Я должна была понять, кем стала я.

И вот тогда он появился. Я сидела на полу, окруженная стопками раскрытых книг, и так глубоко погрузилась в чтение, что не услышала его приближения. Я просто почувствовала, как изменился воздух, стал холоднее и плотнее. Я подняла голову.

Он стоял в нескольких шагах от меня, высокий и неподвижный, как статуя. Его янтарные глаза горели в полумраке библиотеки. На его губах играла едва заметная, снисходительная улыбка.

- Ищешь способ убить меня, дитя? Боюсь, в разделе фольклора ты найдешь лишь выдумки напуганных смертных.

Я медленно закрыла книгу, не сводя с него взгляда. Мое сердце не екнуло от страха - у него больше не было такой привычки. Но холод пробежал по моим венам.

- Я изучаю свою болезнь, - ровно ответила я.

Его улыбка стала шире.

- Это не болезнь, Кларисса. Это эволюция. И ты ищешь не в том месте. Ты пытаешься понять себя через призму че-

ловеческого страха. Ты должна смотреть на это глазами тех, кто прошел этот путь до тебя.

Он плавно двинулся вдоль стеллажей, его пальцы скользили по корешкам книг. Он не смотрел на них, словно знал наизусть расположение каждой.

- Ты ищешь историю не монстров, а историю королей ночи. Не мифологию. Историю.

Он остановился у неприметной секции в самом дальнем углу, где книги казались еще древнее и темнее. Он не указал мне на конкретный том. Он просто посмотрел на полки, а затем снова на меня, и в его взгляде был безмолвный приказ и вызов. Затем он так же беззвучно исчез в тенях коридора.

Я осталась одна. Меня трясло от гнева. Он играет со мной. Направляет, обучает, лепит из меня то, что ему нужно. Но любопытство, смешанное с отчаянием, оказалось сильнее гордости. Я подошла к указанной им секции. Здесь не было кричащих названий о вампирах. Лишь сухие заголовки: *"Хроники Багрового Двора"*, *"Анналы Дома Дракула"*, *"Записки Вечной Ночи"*.

Я наугад взяла одну из книг. Она была обтянута темной, потрескавшейся кожей без названия. Я открыла ее. Это был

не печатный текст, а рукописный дневник. Каллиграфический, выцветший почерк на пожелтевшем пергаменте.

"День сотый после обращения, - прочла я. - Жажда почти утихла. Но тишина в груди оглушает сильнее любого крика. Я поймал себя на том, что смотрю на свое отражение в полированном серебре и не узнаю глаз, что смотрят на меня в ответ. В них больше нет света. Только голод и бесконечная ночь. Я помню тепло солнца на своей коже, но это воспоминание тускнеет с каждым днем, как старый гобелен. Она сказала, что это пройдет. Что я забуду. Но я не хочу забывать, кем я был. Это единственное, что удерживает меня от того, чтобы стать зверем, которого она во мне видит..."

Я захлопнула книгу. Слова неизвестного бессмертного, написанные сотни лет назад, ударили по мне с неожиданной силой. Он чувствовал то же самое. Ту же пустоту, то же отчаяние, то же отчуждение от собственного отражения. Я была не первой. Моя трагедия не была уникальной. Целые поколения таких, как я, проходили через этот ад.

Я подошла к высокому стрельчатому окну. Ночь была безлунной, и в темном стекле, как в мутном зеркале, отразилась моя фигура. Бледное лицо, огромные темные глаза, иссиня-черные волосы. Я видела себя, но не узнавала. Это была

маска, оболочка. Настоящая Кларисса ДАрси умерла в той комнате, в кресле у камина. А это... это было нечто иное. Создание, рожденное из боли и его воли.

Разбитое отражение. Сломанная жизнь.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Впервые с момента моего пробуждения я почувствовала не ярость, а глубокую, всепоглощающую скорбь. Он не просто убил меня. Он обрек меня на вечное одиночество среди таких же, как он, с разбитыми отражениями и мертвыми сердцами. И это было страшнее самой смерти.

Глава 7. Холодное прикосновение. Рафаэль

Я знал, какую книгу она выберет. Я сам поставил ее на видное место много лет назад, зная, что однажды придет тот, кому понадобятся эти слова. Дневник молодого вампира из клана Вентру, написанный в XV веке. Он был полон юношеского максимализма, боли от потери человечности и отчаянного цепляния за прошлое. Идеальное зеркало для ее нынешнего состояния.

Я наблюдал за ней издалека, скрытый тенями галереи над библиотекой. Я видел, как она читает, как ее плечи напряглись, а пальцы вцепились в переплет. Я видел, как она подошла к окну и долго смотрела на свое отражение. Я не мог слышать ее мысли, но я чувствовал, как ее ярость, яркая и обжигающая, сменилась чем-то более глубоким и холодным. Скорбью. Пониманием. Это было необходимо. Ненависть, основанная на невежестве, - хрупкая вещь. Ненависть, рожденная из понимания своей судьбы, - вот истинная сила. Она закаляет дух.

Она начала принимать новую реальность. Не смирилась, нет. Приняла как данность, как поле боя, на котором ей пред-

стоит сражаться. Она больше не будет тратить время на поиски мифического оружия. Она начнет изучать оружие реальное - себя.

Пришло время для следующего урока. Урока эстетики и власти.

Я прошел в ее покои. Они все еще казались пустыми и холодными, несмотря на огонь в камине. Она не привнесла сюда ничего своего. Она не жила здесь. Она отбывала срок. На огромной кровати я разложил свой дар. Платье. Оно было сшито из тончайшего шелка цвета глубокого сапфира - точного оттенка ее глаз. Простой, но элегантный крой подчеркивал бы ее стройную фигуру, а длинные рукава скрыли бы мертвенную бледность кожи, к которой она еще не привыкла. Это был не просто кусок ткани. Это был символ. Символ того, кем она должна стать. Не пленницей в ночной сорочке, а хозяйкой этого замка.

Я ждал ее в гостиной, примыкающей к ее спальне. Когда она вошла, то замерла на пороге, увидев меня. На ее лице была привычная маска холодной отстраненности, но я заметил новую глубину в ее взгляде. Она больше не смотрела на меня как на простого похитителя. Она смотрела на меня как на воплощение своей судьбы.

- В твоей комнате подарок, - сказал я ровным тоном. - Ты наденешь его к вечеру. Мы впервые поужинаем вместе.

Она молчала, лишь ее подбородок чуть дрогнул.

- Я не нуждаюсь в ваших подарках.

- Это не подарок, Кларисса. Это необходимость, - я медленно поднялся с кресла и подошел к ней. Она не отступила, хотя я видел, как напряглось все ее тело. - Ты больше не смертная девушка, которую можно прятать в темной комнате. Ты - бессмертное создание. Леди этого дома. И ты будешь выглядеть подобающе.

Я остановился так близко, что мог бы коснуться ее, проведя рукой по щеке. Я видел, как расширились ее зрачки. Она боялась не меня. Она боялась этой странной близости между нами, этого притяжения, которое существует между создателем и созданием.

- Я не ваша кукла, которую можно наряжать, - прошипела она, ее голос был тихим, но полным стали.

- Нет, - согласился я, и моя рука сама собой потянулась и убрала выбившуюся из ее косы иссиня-черную прядь. Мои пальцы на мгновение коснулись ее виска. Ее кожа была хо-

лодной, как мрамор, но под ней я чувствовал ток силы. - Куклы безвольны. А в тебе воли больше, чем в любом живом существе, что я встречал. Но даже королеве нужна корона. Считай это своей первой короной.

Я отступил, давая ей пространство.

- Я буду ждать тебя в столовой через час.

Я ушел, не дожидаясь ответа. Я оставил ее с выбором. Она могла сжечь это платье, проигнорировать мой приказ и запереться в комнате. Это было бы предсказуемо. Но я надеялся на большее. Я надеялся, что ее новый, холодный расчет возьмет верх над эмоциями.

И я не ошибся.

Ровно через час она появилась в дверях столовой. На ней было то самое сапфировое платье. Оно сидело на ней идеально, подчеркивая ее хрупкость и скрытую силу. Волосы были распущены и волнами струились по плечам. Она выглядела как ночная королева, сошедшая с древней легенды.

Но главным было не платье. Главным был ее взгляд. В нем не было покорности. В нем был вызов. Она надела это платье не потому, что я приказал. Она надела его как броню. Она

приняла навязанную мной роль, чтобы изнутри переписать ее сценарий.

Я поднялся ей навстречу и слегка улыбнулся. Мой непокорный дар. Мое лучшее творение.

Игра становилась все интереснее.

Глава 8. Шепот забытых имен. Кларисса

Я шла по длинному коридору в столовую, и каждый мой шаг отдавался гулким эхом в оглушительной тишине замка. Шелк сапфирового платья струился по ногам, холодный и гладкий, словно вторая кожа. Кожа монстра. Я надела его. Не для него. Для себя. Это была не капитуляция, а облачение в доспехи. Если он хочет видеть во мне леди этого проклятого места, я сыграю эту роль. Но по своим правилам.

Столовая была огромной и мрачной, как и все в этом замке. Длинный стол из полированного черного дерева мог бы вместить тридцать гостей, но сейчас был накрыт лишь для двоих. Два прибора из тусклого серебра, два хрустальных кубка, наполненных багровой жидкостью, и ничего больше. В центре стола в высоком канделябре горели свечи, их пламя едва разгоняло мрак, отбрасывая на стены трепещущие, уродливые тени.

Он уже сидел во главе стола, неподвижный, как изваяние. Когда я вошла, его янтарные глаза оторвались от пламени свечи и впились в меня. Он медленно окинул меня взглядом, от распущенных волос до подола платья, и в его глазах

я увидела нечто новое. Не просто властное удовлетворение, а... одобрение. Почти восхищение. И от этого мне стало еще омерзительнее.

- Прошу, - он указал рукой на стул справа от себя. Не напротив, через всю длину стола, а рядом. Слишком близко.

Я молча подошла и села, стараясь сохранять на лице маску безразличия. Движения мои были плавными и выверенными, словно я всю жизнь ужинала с чудовищами. Я не позволю ему увидеть, как все внутри меня сжимается от отвращения и этой странной, пугающей тяги, что исходила от него волнами.

- Платье тебе к лицу, - сказал он, нарушая тишину. Его голос был ровным, бархатным, обволакивающим. - Оно подчеркивает цвет твоих глаз.

- Благодарю, - ответила я холодно, не глядя на него. Мой взгляд был прикован к кубку передо мной. Запах крови, густой и медный, щекотал ноздри, пробуждая внутри притаившегося зверя. Я сжала руки под столом, вонзая ногти в ладони.

Он взял свой кубок.

- Пей. Тебе нужны силы.

Я знала, что он прав. После моего пробуждения я пила лишь его кровь, и мое тело все еще было слабым. Но принять эту... пищу... из его рук, за его столом, казалось очередным унижением. Очередным шагом в бездну.

Собрав всю свою волю, я взяла тяжелый хрустальный кубок. Жидкость внутри была теплой. Я поднесла его к губам и сделала маленький глоток. Вкус был насыщенным, соленым, наполненным эхом чужой жизни. Он обжег горло и огнем разлился по моим мертвым венам, принося с собой волну силы и энергии. Я подавила дрожь и поставила кубок на стол.

- Что это была за книга? - спросила я, резко меняя тему. Я должна была вернуть себе контроль над этим разговором, над ситуацией. - Тот дневник. Чей он?

Он на мгновение замер, явно не ожидая такого вопроса. На его лице промелькнуло удивление, которое он тут же скрыл.

- Любопытно. Большинство на твоём месте спрашивали бы о свободе или о своей семье.

- Моя семья считает меня мертвой. А свободы у меня нет,

- отрезала я. - Так чей это был дневник?

Он отпил из своего кубка, его янтарный взгляд не отрывался от моего лица.

- Его звали Люциан. Он был молод и очень привязан к своей смертной жизни. Слишком привязан. Он так и не смог принять то, кем стал.

- Что с ним случилось? - я сама не понимала, почему меня это так волнует. Возможно, в судьбе этого Люциана я видела отражение своей собственной.

- Он встретил солнце, - просто ответил Рафаэль. В его голосе не было ни жалости, ни сожаления. Лишь констатация факта. - Он выбрал свой путь. Слабость - это тоже выбор.

Я вздрогнула. Встретил солнце. Какая простая и ужасная фраза. Он покончил с собой. Не смог вынести этой вечной ночи, этого голода, этой пустоты в груди. И Рафаэль называет это слабостью.

- А отвага - это пить чужую жизнь за обеденным столом, словно это вино? - не удержалась я от язвительного вопроса.

В его глазах вспыхнул опасный огонек. Он медленно по-

ставил кубок.

- Отвага, дитя мое, - это принять свою природу и властвовать над ней, а не позволять ей властвовать над тобой. Отвага - это прожить тысячу лет и не сойти с ума от одиночества. Отвага - это создать себе подобного, зная, что он будет ненавидеть тебя каждой каплей твоей же крови.

Он поднялся. Я инстинктивно вжалась в спинку стула. Он обошел стол и остановился за моей спиной. Я чувствовала его присутствие каждой клеточкой своей новой кожи, чувствовала холод, исходящий от него. Я замерла, боясь пошевелиться.

Его пальцы коснулись моих волос, медленно, почти неведомо пропуская сквозь себя черную прядь. Мое тело пронзила дрожь, смесь отвращения и чего-то еще... чего-то темного и совершенно непонятного. Его прикосновение не было грубым, но в нем была абсолютная власть. Власть создателя.

- Ты не Люциан, Кларисса, - прошептал он мне на ухо, и его ледяное дыхание обожгло кожу. - В тебе нет этой слабости. В тебе есть огонь. И я научу тебя, как превратить его в несокрушимое пламя.

Он убрал руку и отошел. Я сидела, не в силах пошевелить-

ся, глядя прямо перед собой. Мое самообладание, моя броня дали трещину. Он прикоснулся ко мне, и я не отпрянула, не ударила. Я замерла, парализованная его властью и странным откликом собственного тела.

- Урок окончен, - сказал он уже от дверей. - Можешь идти.

Когда звук его шагов затих в коридоре, я смогла наконец выдохнуть воздух, который, как оказалось, не задержала. Я посмотрела на свои дрожащие руки. Ненависть к нему была всепоглощающей. Но теперь к ней примешивалось нечто новое и страшное. Страх. Не за свою жизнь. А за свою душу.

Глава 9. Танец на острие клинка. Рафаэль

Она ушла, оставив за собой шлейф из аромата ночных цветов и холодного, концентрированного гнева. Я остался в столовой один, глядя на ее нетронутый кубок. Она сделала лишь один глоток. Ровно столько, сколько было нужно, чтобы утолить острейший голод и выказать неповиновение. Она не наслаждалась. Она принимала лекарство.

Я медленно подошел к столу и взял ее кубок. Он все еще хранил слабое тепло ее ладоней. Я поднес его к губам и допил остатки. В этой крови, смешанной с едва уловимым следом ее присутствия, был привкус ее упрямства, ее боли, ее нестигаемой воли. И этот вкус был пьянящим.

Она спросила о Люциане. Этот вопрос застал меня врасплох. Я думал, она будет говорить о себе, о своих страданиях. Но она перевела фокус на другого. Она анализировала. Изучала чужие ошибки, чтобы не совершить своих. Она видела в его истории предостережение, а не трагедию. Да, она определенно была не Люциан. Люциан плакал и проклинал меня. Кларисса смотрит на меня так, словно пытается запомнить, куда лучше вонзить клинок.

Мое прикосновение... Я не планировал этого. Но когда я стоял за ее спиной, окутанный аурой ее молчаливого сопротивления, я не смог сдержаться. Я должен был коснуться ее, чтобы убедиться, что она реальна. Что этот огонь, который я в ней чувствую, не плод моего воображения, уставшего от векового одиночества.

Она замерла. Под моими пальцами я почувствовал не только холод ее кожи, но и бешеный ток силы, который она отчаянно пыталась сдержать. В этот момент она была похожа на натянутую до предела струну. Еще одно неверное движение - и она бы взорвалась. Или сломалась. Этот танец на острие клинка, в который мы играем, был опасен для нас обоих. Он пробуждал во мне древние, собственнические инстинкты, которые я веками держал в узде. А ее он заставлял балансировать на грани между ненавистью и... чем-то еще. Чем-то, что она пока не готова осознать. Связь. Неразрывная связь между нами.

Она ненавидит меня, и это правильно. Но ее тело, ее новая природа, признает во мне создателя. Источник силы. Хозяина. Эта внутренняя борьба будет ее величайшим испытанием. И величайшим источником моей власти над ней.

Но этого недостаточно. Уроки в замке - это лишь теория.

Пришло время для практики. Она должна почувствовать не только свою силу, но и свою слабость. Она должна понять, что жажда, которую она сейчас утоляет теплой кровью из кубка, - это лишь тень настоящего голода. Голода охотника.

Я вышел из столовой и поднялся на верхнюю башню замка. Отсюда, с открытой галереи, открывался вид на мои владения. Бескрайний, темный лес, окутанный туманом. Он жил своей жизнью, полной шорохов, запахов и стука сотен сердец. Моя охотничья территория. И скоро она станет ее учебным классом.

Я вдохнул холодный ночной воздух. Ветер трепал мои волосы. Я представил ее здесь, рядом со мной. Не в элегантном сапфировом платье, а в чем-то простом, темном, не скользящем движений. Представил, как ее глаза, привыкшие к полумраку комнат, впервые увидят безграничную свободу ночи. Как ее обостренный слух уловит далекий хруст ветки под копытом оленя.

Это будет жестокий урок. Возможно, самый жестокий из всех. Я покажу ей, что значит быть хищником. Я заставлю ее почувствовать азарт погони, вкус теплой, свежей крови, вину и восторг от отнятой жизни. Она будет сопротивляться. Она будет плакать - возможно, впервые с момента своего обращения. Она будет ненавидеть меня еще сильнее.

Но она выживет. Она научится. Она станет сильнее. Я проведу ее через этот ад, потому что только так она сможет однажды править этим миром вместе со мной. Не как пленница. Как королева.

Я смотрел на лес, и во мне росла уверенность. Наша игра переходит на новый уровень. Завтра ночью мы покинем стены замка. И она узнает, что настоящий монстр скрывается не в моем лице, а в ее собственном отражении.

Глава 10. Одежда для охоты. Кларисса

Я вернулась в свою комнату, но не чувствовала себя в безопасности. Безопасности в этом замке не существовало. Его прикосновение фантомным ожогом горело на моих волосах, на коже виска. Я подошла к зеркалу и посмотрела на себя. На женщину в сапфировом платье с испуганными, горящими яростью глазами. Это была его кукла. Его творение. Я с отвращением сорвала с себя это шелковое проклятие, швырнув его в дальний угол комнаты. Оно упало на пол бесформенной грудой, словно сброшенная змеиная кожа.

Облачившись обратно в простую белую сорочку, я почувствовала себя не лучше. Под тонкой тканью была все та же холодная, мертвая плоть. Внутри текла его сила, его кровь. Сапфировый яд, отравивший мою душу. Я ненавидела его. Ненавидела так сильно, что эта ненависть стала единственным, что я чувствовала по-настоящему. Она была моим пульсом, моим дыханием, моей единственной связью с той Клариссой, которой я когда-то была.

Ночь тянулась бесконечно. Я не спала. Я больше не нуждалась во сне. Я сидела у окна, глядя на темный, как смоль,

лес, и пыталась собрать воедино осколки своей воли. Он думает, что сломил меня своим прикосновением, своим уроком о слабости и силе. Он ошибается. Он лишь показал мне, насколько глубока пропасть между нами. И я научусь летать над этой пропастью, чтобы однажды столкнуть его вниз.

Дверь открылась без стука. Он всегда входил так - бесшумно, властно, не считая нужным предупреждать о своем появлении. Он был одет иначе. Не в аристократический сюртук, а в темные брюки и простую рубашку, плотно облегающую его мускулистое тело. В его руках был сверток.

- Время для следующего урока, - сказал он, и его голос был лишен каких-либо эмоций. - Мы покидаем замок.

Мое нутро сжалось в ледяной комок. Покидаем замок? Выйти во внешний мир? Туда, где когда-то светило солнце, где жили люди, где жила я?

- Нет, - вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать. - Я никуда с вами не пойду.

Он медленно подошел и бросил сверток на кровать.

- Это не просьба. Ты наденешь это.

Я посмотрела на одежду. Плотные темные штаны, мягкие кожаные сапоги и темная туника. Одежда для охоты. Для убийства.

- Я сказала нет, - повторила я, вкладывая в свой голос всю сталь, на которую была способна. Я поднялась, вставая между ним и кроватью. Маленькая, слабая, но несломленная.

Его янтарные глаза потемнели. Он сделал шаг, и я инстинктивно отступила.

- Ты все еще не поняла, Кларисса? - его голос стал ниже, опаснее. - Та кровь, что ты пьешь из кубка, - это лишь поддерживающая мера. Она не дает силы. Она лишь отсрочивает настоящий голод. Голод, который уже зарождается в тебе. Голод, который заставит тебя напасть на первую же живую тварь, что попадется тебе на пути, и разорвать ее на куски, как дикий зверь. Я предлагаю тебе научиться контролировать это. Но если ты предпочитаешь стать безумным животным, я могу просто запереть тебя в подвале, пока это не случится. Выбирай.

Его слова были холодными и жестокими, но в них звучала неопровержимая логика. Я почувствовала, как этот самый голод, о котором он говорил, шевельнулся внутри, словно дремлющий дракон. Я ненавидела его за то, что он был

прав.

Я молча, не глядя на него, взяла одежду с кровати. Мои руки дрожали от сдерживаемой ярости.

- Отвернитесь, - бросила я ему.

На его губах промелькнула тень усмешки. Он не стал спорить. Просто развернулся и встал у двери, высокий темный силуэт. Я быстро переоделась. Чужая одежда казалась странной, но удобной, не сковывающей движений. Она была создана для скорости и бесшумности. Создана для хищника.

Когда я была готова, он повел меня за собой. Мы спустились по винтовой лестнице все ниже и ниже, и я впервые поняла, насколько огромен этот замок. Наконец, он толкнул массивную, окованную железом дверь, и в лицо мне ударил ночной воздух.

Я замерла на пороге, ошеломленная. Запахи. Я никогда не знала, что у ночи столько запахов. Запах влажной земли после недавнего дождя, прелых листьев, острой хвои, аромат какого-то ночного цветка и далекий, едва уловимый мускусный запах зверя. Звуки. Я слышала шелест каждого листа, треск ветки под чьим-то весом в миле отсюда, уханье совы и биение крошечного сердца полевки в корнях старого дуба.

Мир был живым. Оглушительно, пугающе, прекрасно живым. Это было слишком. Слишком много информации, слишком много чувств. Я пошатнулась, прижав руки к голове.

И тут я почувствовала его руку на своей спине. Не властное прикосновение, как в столовой, а твердую, уверенную поддержку.

- Дыши, - сказал он тихо, его голос был совсем рядом. - Не пытайся услышать все сразу. Выбери один звук и следуй за ним. Сосредоточься.

Я послушалась. Я выбрала самый простой звук - шепот ветра в кронах деревьев. И медленно, очень медленно, хаос в моей голове начал упорядочиваться.

- Так лучше, - сказал он, убирая руку. Я почувствовала укол разочарования от потери этой опоры и тут же возненавидела себя за это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.